

Как только я принца в себе обнаружу,
Я словно запрет непременно нарушу,
Молчанье любви моей. Трепет признанья,
Как голос спасенья в обитель страданья,
Проникнет в твою измождённую душу,
Как только я принца в себе обнаружу.

О, если всему есть конечные сроки —
Не могут быть люди всегда одиноки,
Не можем и мы и, конечно, не будем,
Досаду и боль, изничтожив, забудем.
Эх, быть нам счастливыми в пекло и стужу!
Когда же я принца в себе обнаружу?!

Хочу позвать тебя с собой
В манящий мир добра и света,
В бездонный ласковый покой
И нескончаемое лето.
Там пред очами всюду новь,
Чисты слова, как трели птичьи,
И славно царствует любовь
Во всей красе, во всём величье.
..Мы цепко за руки взялись,
Сердца в волненье, разум в силе.
О мир чудесный, отворись,
И мы не вспомним, кем мы были!

Человек

Избегая общественных прений
или мнимых крылатых парений
в светлой бездне небесных высот,
он, живое земное созданье,
укрепляет столпы мирозданья
тем, что сладкий мотив лжепознанья
никому, никому не поёт.

Он не стонет о собственных болях,
его руки в коростах, мозолях —
не во имя бесплодных химер,
но во имя насущного мига.
Он опасен, как мудрая книга
для любого холёного лика,
для тебя, для тебя, лицемер!

В его сердце любовь — как награда.
Будь хоть жутким посланником ада —
его сердце попробуй-ка, тронь!..
Он несчастных в беде не бросает
и спасает, спасает, спасает.
Он уйдёт. И о нём зарыдают
три стихии — и даже огонь!